

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современный этап развития политической системы России характеризуется как весьма сложный и противоречивый. С одной стороны, российское общество решительно отказалось от ряда идеологических установлений марксизма-ленинизма, предпочитая путь рыночной и социально ориентированной экономики, основанной на ценностях конституционной демократии, верховенства прав и свобод человека, многопартийности, парламентаризма и независимого правосудия¹. С другой — наблюдаются тенденции усиления государственного администрирования и сокращения частной инициативы². На геополитическом пространстве имеют место частичные изоляция и самоизоляция, что весьма существенным образом обострилось вследствие политических событий, начавшихся 24 февраля 2022 года. При подобных обстоятельствах актуализируется в числе прочего проблема соотношения принципов и норм международного и внутригосударственного права, причем не столько в юридическом, сколько в политическом и социально-психологическом аспектах.

В кризисных ситуациях вполне естественным образом проявляются крайности, преувеличения и гипертрофированные суждения. В их числе — едва ли не всеобщее (во всяком случае на социально-психологическом уровне) отрицание большинства «западных» ценностей, среди которых, в силу инерционности общественного мнения, оказались «общепризнанные принципы и нормы международного права». Их отрицание или сомнение в их общеобязательности для правовой системы России наблюдалось в социально-политической мысли и ранее, но с такой невероятной силой, пожалуй, еще никогда, даже в период Карибского кризиса 1962 года.

---

¹ См.: Баренбойм П. Д. Государство как произведение искусства и конституционная экономика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 4. С. 18–24.

² См.: Буздалина О. Б. Теоретические основы необходимости усиления администрирования государственного финансового контроля // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 4. С. 16.

Однако в действительности механизм правового регулирования общественных отношений современной России (во всяком случае после 12 декабря 1993 г.) основывается и продолжает базироваться во многом на общепризнанных принципах и нормах международного права. Отрицать это — значит, попросту не знать подлинного содержания действующих юридических принципов и правовых норм в России, складывающейся на их основе правоприменительной практики, то есть в значительной степени — выдавать желаемое за действительное.

Пропагандируемая рядом СМИ социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей наблюдается на фоне практически полностью «западной» экономической системы и такой же «западной» нормативной формы права в ее романо-германском эквиваленте¹ (если под «западными» ценностями понимать общепризнанные принципы и нормы международного права, а также положения международных договоров, которые подписаны Президентом РФ и его предшественниками, ратифицированы парламентом страны и ранее действовавшими высшими органами народного представительства РСФСР и СССР). Следует ли современной России при имеющихся обстоятельствах полностью отказываться от этого и выстраивать методологически свою строго «национальную» систему экономики и права? Или же нужно, хотя бы отчасти, признать, что закономерности развития экономической и правовой систем основываются на общих достижениях общечеловеческой мысли, что здесь объективно наблюдается весьма высокая степень стандартизации и унификации ввиду ряда общих ценностей современного цивилизованного общества?

Конечно, каждое государство имеет собственные геополитические интересы², которые не всегда совпадают с приоритетами внешней политики зарубежных стран и нуждаются, вопреки влиянию «извне», в адекватной

---

¹ См.: *Филонов А. В.* Правовая система Российской Федерации в романо-германской правовой семье: общее и особенное (сравнительно-правовой аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 98.

² См.: *Саидов З. А., Ниницева Т. М.* Внутринациональные и геополитические интересы в контексте национальных интересов // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 964.

защите и поддержке силами национальных правительств. Однако до какой степени эта «специфичность» может и должна доходить, если общество действительно стремится к высоким темпам социально-экономического развития и обеспечению высокого уровня благосостояния своих граждан (ст. 75.1. Конституции РФ)?

Патриотически ориентированная внутренняя политика, во всяком случае, не должна отрицать экономические и правовые инструменты «западного» происхождения, если они благодатно *воспринимаются* отечественной «почвой» на современном этапе функционирования страны (*pro bono*) и уже зарекомендовали себя как весьма эффективно действующие в течение нескольких десятилетий после распада СССР и разрушения марксистско-ленинской идеологической системы. Эти и ряд других обстоятельств актуализируют, на наш взгляд, необходимость исследования в современной российской науке проблемы реализации принципов и норм международного права в правовой системе страны с политической и социально-психологической точек зрения.

В 2020 году в Конституцию РФ были внесены многочисленные поправки¹, которые затронули в том числе и проблему соотношения международного и национального права. Вопреки расхожему мнению, конституционный законодатель тогда не только ослабил какие-то установки (об этом речь пойдет ниже), но и усилил ряд позиций, которые связаны с международными отношениями нашей страны, ее внешними обязательствами и международным авторитетом государства, что было и остается важнейшим приоритетом внешней политики современной России. Так, ч. 1 ст. 67.1 в новой (от 2020 г.) редакции Конституции РФ содержит указание на то, что Российская Федерация является правопреемником и «правопродолжателем» Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в

---

¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств.

Это означает, что современное Российское государство в 2020 году на конституционном уровне официально заявило о своем стремлении участвовать в международных отношениях в той мере, в какой это возможно исходя из норм международного права и национальных интересов страны. Современная Россия конституционно-юридически и, следовательно, официально выразила желание быть членом международных организаций (ООН, Всемирной торговой организации, Интерпола, Всемирной организации здравоохранения, Международного агентства по атомной энергетике, Международной организации труда, Международного валютного фонда, ЮНЕСКО, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Содружества независимых государств, Евразийского экономического союза и др.)¹ и их органов (Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН и т. п.), если только в ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ не будут внесены соответствующие поправки. В силу принципа верховенства Конституции РФ это официальное намерение страны, которое не может быть преодолено волей ни одного из высших государственных органов, поскольку деятельность законодателя имеет «подконституционный» характер, а функционирование всех других органов публичной власти связано и подчиняется требованиям Конституции РФ и законов.

О приверженности современной России принципам и нормам международного права неоспоримо свидетельствует содержание ст. 67 Конституции РФ, которая регулирует международно-правовые вопросы территории государства. Состав территории Российской Федерации по смыслу ч. 1 ст. 67 Конституции РФ (материковая часть, внутренние воды,

---

¹ В связи с этим примечательна практика оспаривания в Конституционном Суде РФ по запросу группы депутатов Государственной Думы, которые остались в меньшинстве при голосовании за ратификацию международного договора, например, о присоединении к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4169.

территориальное море, воздушное пространство над ними) полностью соответствует международно-правовым стандартам. То же можно сказать о суверенных правах и юрисдикции России на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне, что сопровождается в ч. 2 ст. 67 действующей Конституции РФ специальной оговоркой «в порядке, определяемом нормами международного права». Часть 2.1 в новой редакции ст. 67 Конституции РФ использует международно-правовые категории «делимитация», «демаркация» и «редемаркация».

Глава 1 Конституции РФ в значительной степени воспроизводит принципы Устава ООН, глава 2 — нормы Всеобщей декларации прав человека, главы 3–8 — положения многих конституций зарубежных стран. Трудовой кодекс РФ методологически построен на рекомендациях Международной организации труда. Подобные примеры можно продолжать и далее. Все они свидетельствуют о том, что международно-правовая методология содержательно (*ratio legis*) «пронизывает» действующее российское законодательство настолько глубоко и основательно, что ее полное исключение из юридической материи (как того требует набирающая популярность социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей) означало бы ликвидацию в России положительного права как такового. Полагаем, что *международно-правовой нигилизм* в той же мере вреден правосознанию россиян, как и дружно критикуемый в отечественной науке *обычный правовой нигилизм*.

Сказанное, однако, не означает, что международное право следует абсолютизировать. Оно весьма абстрактно и отличается особой степенью правовой неопределенности. Предмет извечного спора составляет, например, вопрос о том, являются ли те или иные принципы или нормы международного права «общепризнанными». Внешнеполитические отношения подвижны и склонны к быстрым изменениям, в то время как международно-правовое регулирование стабильно и зачастую даже весьма «неповоротливо». Вследствие своей инертности оно иногда перестает отвечать новым и

актуальным запросам времени. Происходит это потому, что в масштабах мирового сообщества нет единого парламента, президента, правительства и т. п. В международно-правовое регулирование некому вносить изменения и дополнения, пока нации не договорятся и не придут к определенному консенсусу. Вследствие этого международное право не является всепроникающим, оно имеет весьма ограниченную предметную область, опирается на суверенитет государств и предполагает высокую степень дискреции национальных правительств вследствие самобытности соответствующих политико-правовых культур. Возможны и неизбежны также коллизии между международным и национальным правовым регулированием.